

**Падение Константинополя.
Картина неизвестного венецианского художника
конца XV – начала XVI в.**

ЛЕКЦИЯ 45

А. Н. Домановский

КЛИНОК МУСУЛЬМАНСКОГО ПОЛУМЕСЯЦА НАД КУПОЛОМ ПРАВОСЛАВНОЙ СОФИИ: ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА ВИЗАНТИИ 29 МАЯ 1453 г.

Столица ждет. В смятении и страхе
Рыдают жены. Четок среди тьмы
Шаг воинов. Печальные псалмы
Поют в церквах дрожащие монахи.

А за стеной – османы, тюрки, влахи
Вокруг костров пьют вина и кумыс,
И дик их вопль: «Мы Рим разрушим! Мы!»,
И пляшут тени на траве и прахе.

А город ждет, огромный и немой,
Пока луч солнца встанет боевой;
Бомбарды спят на башнях, как живые,

Спокойно море плещется у ног,
Но полумесяц, узкий как клинок,
Уже взошел над куполом Софии.

Петр Карышковский.
Последняя ночь Византии
(29 мая 1453 года)

Ежегодно 29 мая в современном турецком Стамбуле торжественно празднуется День взятия Константинополя. Событие, ставшее для христианской Европы, как католической, так и, в особенности, православной ее части одним из наиболее болезненных символических поражений, турки считают радостным моментом обретения новой Родины, отмечая и воспевая его в самых панегирических тонах. Нынешний президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган еще в бытность премьер-министром

во время празднования взятия Константинополя турками 29 мая 2013 г. назвал время христианских императоров Византии «темной главой» истории. По его мнению, именно после завоевания Константинополя османами наступило «время Просвещения».

В 2012 г. в широкий прокат вышел наиболее масштабный на сегодняшний день турецкий эпический исторический художественный фильм режиссера Фарука Аксоя «Завоевание 1453» («Фетих 1453»), в котором падение величайшего города средневековой Европы показано с точки зрения османов как «великое чудо» и одно из ключевых, наиболее позитивных событий в истории турок и, шире, всех мусульман. О том, насколько несовместимы до сегодняшнего дня европейский (шире – христианский) и турецкий (шире – мусульманский) взгляды на произошедшее в 1453 г., свидетельствует бурное возмущение, которым сопровождалось появление фильма в греческих СМИ, обвинявших турок в националистической пропаганде и манипулировании историческими фактами. Тем временем в исламских странах показ сопровождался переполненными залами и невиданной популярностью.

Впрочем, и до этого даже в современной академической среде (более 550 лет спустя после событий!) даже, казалось бы, весьма далеких от средневековых событий на Европейском континенте Соединенных Штатов Америки отношение к случившемуся 29 мая 1453 г. было окрашено в определенные идеологические тона. Знаменитый турецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Орхан Памук в книге «Стамбул. Город воспоминаний» описывает случай, произошедший с его женой во время учебы в США: «По тому, как люди называют некоторые события, можно понять, где мы находимся – на Западе или на Востоке. 29 мая 1453 года для Западного мира произошло падение Константинополя, а для Восточного – взятие Стамбула. Когда моя жена, учившаяся в Колумбийском университете Нью-Йорка, однажды употребила в одной своей работе слово «взятие», профессор-американец обвинил ее в национализме. На самом же деле она употребила это слово просто потому, что так ее научили в турецком лицее; ее мать была русского происхождения, так что она отчасти даже симпатизировала православным грекам. Для нее это событие не было ни «взятием», ни «падением» – она чувствовала себя как военнопленный, оказавшийся посреди двух миров, не оставляющих человеку другого выбора, кроме как быть мусульманином или христианином».

Так как же случилось, что величайший христианский город, столетиями противостоявший нашествиям арабов, руси, болгар, сербов, лишь однажды павший под ударом крестоносцев Четвертого крестового похода в 1204 г. и затем возвращенный под власть законных владетелей-византий-

цев в 1261 г., окончательно пал под ударом турецкого завоевания немногим менее двух веков спустя, похоронив при этом под своими обломками и последние остатки византийской государственности? Что привело к столь плачевному финалу величайшей христианской империи? Можно ли винить в случившемся лишь турок-османов, или же вина лежит на самих византийцах или даже странах Западной Европы, не пришедших на помощь государству ромеев тогда, когда оно в наибольшей степени в этом нуждалось?

К середине XV в. от прежнего византийского государства осталась, увы, только «голова без туловища», столица без страны. Последний византийский император Константин XII Палеолог получил в наследство по сути лишь Константинополь и его ближайшие окрестности. Если раньше Ромейскую империю можно было измерить только долгими неделями и месяцами пути, теперь же – спокойно пройти из конца в конец за несколько часов. Последние «обломки», – немногие острова Эгейского моря, далекую пелопонесскую Мистру и небольшую Трапезундскую империю, – можно было не принимать в расчет.

Император прекрасно сознавал, что ему не избежать сражения за Константинополь. Поэтому он сразу же, продолжая приготовления своего предшественника Иоанна VIII, принялся готовить город к длительной осаде: чинить стены и башни, обветшавшие от времени и обвалившиеся во многих местах, расчищать заваленные мусором рвы, запастись продовольствием, топливом, по возможности вооружать горожан.

Тревожные опасения Константина XII были более чем обоснованны – турецким султаном стал Мехмед II, получивший впоследствии прозвание Фатих (в переводе с арабского – «Завоеватель») (1451–1481 гг.). Интерес к науке, греческой и византийской философии, увлечение математикой, астрономией, знание четырех языков, включая греческий и латынь, ничуть не повлияли на его крутой нрав и не помешали прославиться как жестокому, вероломному правителю и непобедимому полководцу. Самой большой слабостью воинственного османа, если не считать двух гаремов из женщин и красивых мальчиков, была страсть к завоеваниям и военным подвигам во имя Аллаха. Особенно важным при этом султан считал покорение Константинополя.

Необходимость завоевания византийской столицы для сохранения турецкой государственности и упрочения ее мощи кратко резюмировал сам Мехмед II: «Священная война есть наша главная задача, как была она в годы наших отцов. Константинополь, расположенный в середине нашего царства, привечает наших врагов и натравливает на нас. Посему завоевание города жизненно важно для обеспечения в будущем безопасности осман-

ского государства». Источники рассказывают, что, поклявшись овладеть Константинополем и увенчать этим объединение всех захваченных турками земель, он ни на минуту, ни днем, ни ночью не имел покоя, все строя планы покорения древней столицы ромеев: «Ночью и днем, ложась спать и вставая, в своем дворце и вне его, всю свою заботу полагал на то, какими военными действиями и средствами овладеть Константинополем».

Будучи сыном султана Мурада II от наложницы и опасаясь других, более законных претендентов на трон, первое, что сделал Мехмед после кончины отца – отдал приказ умертвить своего девятимесячного сводного брата Амурата. О бессердечии нового государя слагали легенды. Ему ничего не стоило отрубить голову прислужнику, чтобы показать работавшему над портретом султана итальяскому художнику Джентили Беллини как выглядят лицевые мышцы трупа и конвульсии шейных мускулов. Разыскивая похитителя дыни из султанского сада, Мехмед, не раздумывая, велел резать животы работавшим в этом саду 14 рабам, чтобы таким зверским способом обнаружить улику в желудке несчастного виновника. Обессиленные ромеи, стоявшие на пороге национальной трагедии и в полной мере испившие чашу унижения побежденных, не могли ждать пощады от подобного правителя.

Давно было ясно, что роковой час близится. Уже в 1396 г. на малоазийском берегу Босфора турки построили мощную и хорошо вооруженную артиллерией крепость Анатоли-Хиссар. В 1452 г. Мехмед II приказал как можно быстрее, используя камни из окрестных разрушенных монастырей, возвести подобное укрепление и на европейском берегу пролива, в его наиболее узком месте, где ширина Босфора составляла всего 88 метров. Новая мощная крепость, напоминавшая в плане неправильный пятиугольник, получила название Румели-Хиссар. Ее сооружение означало, что остро нуждавшийся в причерноморском хлебе Константинополь в любой момент могли отрезать, и тогда его жителей ждала голодная смерть. Ни один корабль не мог проскользнуть через пролив, взятый под прицел турецких пушек. Решившихся на это капитанов итальянских судов обстреливали, топили, а спасшихся моряков ждала казнь. Не случайно турки называли Румели-Хиссар «Богаз-кесен», а греки – «Лаймокопия», что в обоих случаях переводится одинаково – «перерезающая пролив», или, иными словами, «рассекающая горло». Название было поистине пророческим. Началась настоящая подготовка турок к запланированной на весну военной кампании и осаде.

Как только весть о строительстве крепости достигла Константинополя, в городе распространились панические настроения. Историк Дука писал, что среди ромеев во всех концах и на всех оставшихся осколках империи,

только и слышались восклицания: «Теперь приблизился конец города; теперь знамения гибели нашего рода; теперь наступают дни антихриста; что будет с нами и что делать? Где святые, охраняющие город?». Возведение укрепления произошло в рекордно короткий срок: в марте 1452 г. турки приступили к сооружению крепости, а уже в 31 августа строительство было полностью завершено, орудия на стенах расставлены, а гарнизон укомплектован.

Константин XI попытался протестовать против сооружения крепости Румели-Хиссар на греческой территории, но это было совершенно бесполезно. Султан надменно ответил послам императора: «Я могу делать все, что мне угодно. Оба берега Босфора принадлежат мне, тот восточный – потому что на нем живут османы, а этот западный – потому что вы не умеете его защищать. Скажите вашему государю, что если он еще раз вздумает прислать ко мне с подобным вопросом, я велю с посла живьем содрать кожу».

Мощь Румели-Хиссар ярко описал переживший осаду Константинополя знатный венецианец Николо Барбаро в своем «Дневнике константинопольской осады»: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды; с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря». Гарнизон Румели-Хиссар состоял из 400–500 воинов под командованием Фируз-бея, самая крупная из ее пушек могла, по свидетельству источников, выстреливать ядра весом 272 кг. Сохранившиеся до наших дней здешние ядра весят до 204 кг.

Первой силу новой крепости испытала на себе итальянская эскадра, которая 25 ноября 1452 г. не подчинилась приказу спустить паруса. Часть кораблей смогла прорваться, но самая крупная и медленная галера венецианцев, получив несколько пробоин от каменных ядер, затонула, а все спасшиеся с нее моряки и капитан Антонио Эриццо были казнены.

Вовсе отчаявшись, василевс решил в обмен на помощь латинов вновь пойти на заключение унии Церквей. Но возобновленный союз не принес ожидаемого результата и лишь усилил возмущение в народе. В ноябре 1452 г. из Рима в Константинополь прибыл легат Папы Николая V (1442–1455 гг.) ловкий грек-рenegат кардинал Исидор, митрополит Киевский и всея Руси (1426–1458 гг.). Некогда он председательствовал на Ферраро-Флорентийском соборе. Привезенная им подмога была ничтожна. 12 декабря в храме Св. Софии Исидор торжественно отслужил мессу по католическому обряду, тем самым символизируя союз восточных и западных христиан.

Заключение унии вызвало взрыв негодования среди греков. Грозная своим количеством толпа с криками «Не нужно нам ни помощи латинов,

ни единения с ними!» рассыпалась по городу, избивая попавших под руку униатов и католиков. Ненависть ромеев к латинам была столь велика, что даже мегадука византийского флота, богач Лука Нотара, почетный гражданин Венеции и Генуи, где он разместил большую часть своего состояния, по свидетельствам источников, бросил крылатую фразу, ставшую пророческой: «Лучше увидеть в городе царствующей турецкую чалму, чем латинскую тиару». Кто мог подумать, что после падения Константинополя Луку Нотару поначалу обласкают, чтобы затем казнить по приказу султана вместе с сыновьями и зятем, а дочь Анна окончит свои дни в Венеции?

Несмотря на бедственное положение Византии, на Западе не торопились оказать помощь этому гибнущему «кораблю». Скорее там ждали удобного случая, чтобы захватить и разделить оставшиеся земли ромеев, нежели реально придти на подмогу. Поначалу Мехмед II не представлялся западным правителям серьезным противником, способным преодолеть стены города, которые оказались не по силам его отцу, султану Мураду II.

Лишь Генуя и Венеция оказали небольшую поддержку защитникам Константинополя. К великой радости горожан в январе 1453 г. на двух больших судах прибыл отряд генуэзских добровольцев из 400 тяжеловооруженных воинов под командованием талантливого храброго кондотьера Иоанна (Джованни) Джустиниани из Хиоса, по прозвищу Лонго («Длинный»). Историк Дука писал по этому поводу: «...прибыл из Генуи некто по имени Джованни Лонго, из рода Джустиниани, с двумя огромными кораблями, на которых было множество великолепных боевых машин, а также вооруженные молодые генуэзцы, исполненные воинственного духа». Император назначил Джованни полководцем и главнокомандующим, посулив в уплату за труды о. Лемнос. Немного позже подошли еще несколько венецианских кораблей.

Греки Мореи, погрязшие в междоусобице и покоренные турками, не смогли прислать подмогу осажденной столице. Собственные же силы Константинополя были невелики. Вместе с отрядами иностранных наемников, константинопольскими венецианцами и каталонцами, лучниками, оплачиваемыми Папой, и греками-добровольцами защитники столицы насчитывали немногим более 7 тысяч воинов, которые прикрывали собой от 50 до 70 тысяч жителей. Византийско-италийский флот из 26 судов, хотя и обладал такими преимуществами, как «жидкий огонь» и высокое мастерство мореходов, оказался заперт турками в гавани Золотого Рога.

Противостоящая ромеям, готовящаяся к осаде армия султана была огромна. Она насчитывала, по разным подсчетам, от 150 до 200 тысяч человек, из них 30 тысяч – янычары. К весне 1453 г. Мехмед II построил флот из 80 военных и 300 грузовых кораблей, необходимых для переброски де-

санта и доставки снаряжения, и начал собирать его под Константинополем. Созданная турками артиллерия не имела себе равных в Европе. Давно устаревшие византийские орудия не шли ни в какое сравнение с пушками мусульман. К тому же греки опасались использовать свою артиллерию, поскольку при выстреле орудия из-за отдачи разрушались стены древней христианской твердыни, не приспособленные для пушек.

При любых расчетах выходит, что на одного защитника Константинополя приходилось никак не меньше 20 врагов. Правда, как выяснилось позже, султан не знал об этом и преувеличивал численность своих противников. И все же последние надежды и чаяния ромеи возлагали на проверенные временем мощные тройные крепостные стены своей древней столицы, перед которыми в свое время оказались бессильными авары, арабы, болгары и русы. Защитники были прекрасно вооружены, снабжены всем необходимым – от хлеба до арбалетных стрел, имели большое количество метательных машин, противоосадных механизмов, запасы ядер и селитры для пороха и «жидкого огня». Они рассчитывали на обещанную италийцами военную помощь, которая, казалось, вот-вот должна появиться, и горели желанием сражаться до конца, понимая, что иного выхода нет. Наконец, и это немаловажно, срабатывал психологический фактор: за долгие века во всем мире привыкли верить в незыблемость столицы Византии. За обреченностью ещё проглядывала надежда, которая отнюдь не казалась пустой.

В конце марта 1453 г. вокруг Константинополя появились первые подразделения легкой османской кавалерии, задачей которой была разведка боем окрестностей византийской столицы. Вскоре подошла и легкая пехота. Турки полагали, что ромеи незамедлительно спрячутся за стенами города, однако 2 апреля Константин XII предпринял смелую вылазку, и перебив несколько десятков турок, с ликованием вернулся в город. Однако вскоре, когда 5 апреля к столице подошли основные несметные силы турок, подобные стремительные набеги стали гораздо более рискованными. Впрочем, первая победа вдохновила константинопольцев, которые полагали, что хорошо подготовились к осаде и смогут отразить нападавших в случае штурма.

Оптимистические настроения были небезосновательными – город действительно был неплохо подготовлен к обороне. Длительная подготовка к осаде, начатая еще Мануилом II, заметно активизировавшаяся при Иоанне VIII и с утроенной энергией продолженная Константином XII, дала свой результат. Были отремонтированы и укреплены стены и башни, обновлены ворота, очищены и углублены рвы. На стенах установлены и пристреляны пушки (правда, весьма устаревшие по сравнению с новоотлитыми турец-

кими) и камнеметы, заготовлены запасы «греческого огня» для того, чтобы сжигать корабли, осадные башни и идущих на приступ вражеских воинов. Запасы продовольствия, топлива и разнообразного военного снаряжения также были весьма внушительными и вполне достаточными для того, чтобы обороняющиеся могли без особой нужды выдержать многомесячную, а то и более чем годовую осаду. Наконец, главное, что вдохновляло осажденных – обещанные папой римским и венецианцами войска.

Не удивительно поэтому, что когда Мехмед II предложил Константинопулю XII сдать город в обмен на удел в Море, неприкосновенность которого клятвенно гарантировал, василевс гордо отказался. Отдать Константинополь, бывший одновременно сердцем, мозгом и душой империи, было невозможно. Это означало бы своими руками убить саму Византийскую империю. Ответ императора поражает своим спокойным мужеством и верой в священный город Константина: «Император готов жить с султаном в мире, – заявлял Константин Драгаш, – и оставить ему захваченные города и земли; город уплатит любую требуемую султаном дань, насколько это будет в его силах; только сам город не может предать император – лучше умереть».

В начале апреля 1453 г. кольцо турецкой осады охватило «град Константина» и с суши, и с моря. В Мраморное море вошла турецкая эскадра из 30 военных и 330 грузовых судов, а через две недели прибыли еще 56 военных и 20 вспомогательных кораблей. В общей сложности число турецких судов на ближних морских подступах к столице превысило четыре сотни. Противостоять этой плавучей армаде мог лишь незначительный византийский флот из 26 кораблей, запертых в Золотом Роге за протянутой через устье залива спасительной заградительной железной цепью, поддерживаемой на плаву громадными бревнами.

Начался отсчет дней героической обороны, которая продолжалась почти два месяца. С 6–7 апреля заговорили пушки, медленно, но уверенно разрушая древние стены столицы. Как писал русский летописец Нестор Искандер, «окаянные Махмет» установил вокруг города «пушки и пищали и туры и лестница и грады деревянные и ины козни стенобитные». 14 батарей стояли вдоль всей линии сухопутных укреплений, направляя свой огонь на разрушение Феодосиевой и Ираклиевой стен. Три батареи были расположены напротив Влахерн, две стояли против Харисийских ворот, три предназначались для обстрела участка стен с Пигийскими воротами, еще две были выставлены против Золотых ворот. Основную же ударную силу – четыре батареи вместе со знаменитой гигантской пушкой Урбана – султан сконцентрировал в районе своей ставки напротив ворот Св. Романа, где был намечен главный участок будущего штурма, поскольку рельеф

здесь понижался по направлению к долине речушки Ликос, что давало штурмующим дополнительные преимущества. Пушки осаждавших стояли на этом участке на высоких холмах, вследствие чего стены и башни были ниже турецких батарей. Благодаря этому обстрел участка был более удобным и эффективным.

По масштабам использования новейших средств ведения войны, особенно применения пороховой артиллерии, осада Константинополя не знала равных и стала крупнейшим событием XV столетия. Учителями и наставниками турок в военном деле стали сами европейцы. Так, под руководством знаменитого венгерского литейных дел мастера Урбана, покинувшего нищего василевса, они отлили немало орудий, одно из которых имело исполинские размеры. Длина этой пушки достигала 8 м, диаметр жерла превышал полтора метра, а стреляла она каменными ядрами в 1200 фунтов (свыше 350 кг) на расстояние в 500 м! Чтобы перетащить эту чудовищную громадину Урбана из мастерской близ Адрианополя к стенам Константинополя понадобилось 60 пар волов, две сотни людей и два месяца времени. Она была поставлена против константинопольских ворот Св. Романа, на главном участке прорыва османов.

Скорострельность турецкой артиллерии была низкой. Каждая пушка делала не более 15–20 выстрелов за день. Предельная дальность по нынешним меркам также была невелика – 180–200 м. Но зато сила поражения приводила в ужас. Непривычным к реву орудий ромеям казалось, что на них рушится сама преисподняя, тогда как врагам это добавляло уверенности в собственной непобедимости.

Впрочем, у османов были плохие наводчики, а бомбардиры боялись увеличивать мощность пороховых зарядов орудий, поскольку силу выстрела мог не выдержать ствол, и потому нередко ядра попросту не долетали до стен или имели крайне низкий разрушающий потенциал, попадали в стены на излете, потеряв всю ударную энергию. Пододвигать пушки ближе к стенам было опасно из-за ответного обстрела, подкопов и вылазок осажденных. Поначалу разрушения были малозаметны, эффективность обстрела была низкой, однако с каждым днем пушечные ядра, словно вода, точили камень крепостных стен Константинополя.

Эффективность же артиллерии самих осажденных была поначалу достаточно высокой, хотя им и не хватало качественного пороха, а сами орудия были устаревшими. Впрочем, после того как взорвалась самая крупная из пушек, византийцам пришлось отказаться от стрельбы ядрами с целью контрбатарейной борьбы с турками и применять артиллерию преимущественно в качестве противопехотного средства, заряжая каждую из бомбард 5–10 каменными, глиняными или металлическими пулями размером

приблизительно с грецкий орех. Но даже в этом случае ущерб, наносившийся стенам отдачей при выстреле из орудия был столь существенным, что стрелять старались как можно реже и будучи уверенными, что заряд достигнет цели.

Левое крыло армии Мехмеда II, состоявшее из войск европейских вассалов султана, простиралось от ставки до Золотого Рога, правое, укомплектованное войсками, прибывшими из Азии, тянулось на юг до Мраморного моря. Центр в районе ставки султана охраняло отборное 15-ти тысячное войско янычар. С тыла ставку прикрывала конница на случай попытки прорыва осады извне по суше союзниками осажденных.

Число защитников было мизерным. Как сообщает Георгий Сфрандзи, перед началом осады он в глубочайшей тайне, чтобы не усиливать панику среди константинопольцев, проводил перепись горожан, способных носить оружие. Таковых оказалось менее пяти тысяч – 4973 человека, да и то «большая часть приходилась на людей мирных, применявших щиты и копья, луки и мечи так, как умели они от природы, а не в соответствии с воинской наукой». К ним также нужно добавить еще около двух тысяч иноземных наемников. Впрочем, несмотря на свою немногочисленность, последние защитники города мужественно сражались за свою свободу и христианскую веру, демонстрируя чудеса героизма и делая, казалось бы, невозможное. Бок о бок за Константинополь сражались все, кто мог держать в руках оружие: господин и жалкий бродяга, купец и монах, ремесленник и подмастерье, учитель и ученик, православный и католик.

Георгий Сфрандзи писал о мужестве защитников столицы: «Было удивительно, что, не имея военного опыта, они одерживали победы, ибо, встречаясь с неприятелем, они делали то, что выше сил человеческих». Не имея смены, осажденные валялись после боя с ног от усталости, тогда как турки, по словам Нестора Искандера, бились без отдыха, не давая отдохнуть защитникам, бросая вперед все новые и новые контингенты войск: «Турки же все места бьются без опочивания, не дающе нимала опочити грацким, но да ся утрудят, понеже уготовляхуся к приступу...».

В центре обороны в районе ворот Св. Романа был поставлен отряд под предводительством Джустиниани Лонго, участок отсюда до ворот Полиандра контролировали трое братьев – Павел, Антоний и Троил, а далее по направлению к Золотому Рогу стояли смешанные латинско-ромейские отряды под командованием Феодора Каристийского, Иоанна Немецкого, Иеронима и Леонарда Генуэзского. Левое крыло обороны держали формирования во главе с Феофилом Палеологом и Мануилом Генуэзским. Побережье Золотого Рога должен был охранять командующий флотом мегадука Лука Нотара.

Воины полумесяца, словно одержимые, рвались в Константинополь. Их ярость разбивалась о стойкость ромеев, которые были готовы дорого продать свою жизнь. Со стен и башен византийской столицы на турок летели камни, лилась кипящая вода и смола, с ревом извергались языки «жидкого огня». Врагов поражали стрелами и копьями, сметали выстрелами пушечной шрапнели. Уже первый штурм показал, что осажденные не собираются стать легкой добычей мусульман.

18 апреля султан предпринял первую попытку полномасштабного штурма. Ожидая легкой победы, турки смело рвались на приступ, распевая религиозные и воинственные песни. Как писал Нестор Искандер, «и прикатиша пушки и пищали многие, начаша бити град, такоже стреляти из ручниц и из луков тмочисленных; граждане от бесчисленного стреляния не можаху стоати на стенах, но западше ждаху приступу, а инии, стреляху из пушек и пищалей ... и многы турки убиша». Штурм захлебнулся, османы откатились, оставив у стен сотни трупов. Потери защитников были в разы меньшими, но гораздо более чувствительными, поскольку число сдерживавших приступ воинов было во столько же раз меньшим по сравнению с осаждавшими их турецкими войсками, во сколько большими потери штурмовавших.

Еще большее разочарование принесло османам 20 апреля. С о. Хиос к Константинополю спешила эскадра из трех генуэзских галер и византийской триремы, которая везла в столицу войско и продовольствие. Перед входом в Золотой Рог маленькая флотилия приняла неравный бой с турецкими кораблями, которых насчитывалось 150, и одержала блестящую победу. Десятки судов мусульман, подоженные «жидким огнем», пошли ко дну. Благодаря умелым действиям ромейских и генуэзских моряков, бóльшей маневренности и лучшему вооружению их возвышавшихся над турецкими суденышками кораблей, опозоренный султан потерял в тот день несколько сотен (а согласно греческим источникам, явно преувеличивающим число погибших врагов, – около 12 тысяч) своих лучших моряков. Наблюдая за ходом боя разгоряченный и раздосадованный Мехмед даже не заметил, как въехал, пытаясь руководить сражением, верхом на лошади в море, и пришел в себя лишь когда вода подступила к седлу.

Победоносная эскадра под ликование греков, наблюдавших за боем со стен Константинополя, вошла в гавань Золотого Рога. Турки были посрамлены. Гнев султана был столь велик, что он собственноручно избил золотым жезлом командира турецкого флота болгарина-ренегата Палдада-оглу (Балта-оглу), отрешил его от должности, а все имущество неудачливого флотоводца раздал янычарам. От неминуемой смертной казни османского адмирала спасло лишь то, что он сам получил в бою жестокие

ранения, доказывавшие его преданность султану и личное мужественное участие в битве. Никто не думал, что это была последняя значимая победа ромейского оружия.

Впрочем, сколь ни значительным было реальное и, в еще большей мере, символическое значение этой морской победы, силы византийцев день ото дня таяли, тогда как воины Пророка, подобно неумолимым волнам прилива, неудержимо рвались в город. Гордая душа Мехмеда II не могла снести позора предыдущего морского поражения. Вскоре он нашел довольно хитроумный, отважный план, который смог восстановить его полководческий престиж и решающим образом повлиял на дальнейший ход осады. Через холмы Галаты султан сумел переправить свой флот в Золотой Рог.

В ночь на 22 апреля, в короткий срок, турки, согнав множество невольников, соорудили деревянный настил протяженностью в несколько километров. Строительство велось у стен генуэзской Галаты, но коварные и трусливые торгаши повели себя предательски по отношению к защитникам христианской твердыни. Они не известили вовремя осажденных и не препятствовали приготовлениям врага. Более того, забегая вперед, следует отметить, что к концу осады галатцы уже открыто помогали Мехмеду, рассчитывая на его благосклонность в будущем и недальновидно забывая, что имеют дело с редкостным лжецом и хитрецом. Дука писал о поведении галатцев: «Выходя из-за стен Галаты, они безбоязненно отправлялись в лагерь турок и в изобилии снабжали тирана (*султана Мехмеда II – А. Д.*) всем необходимым: и маслом для орудий, и всем иным, что требовали турки. Тайно же помогали ромеям». Георгий Сфрандзи также уделяет внимание поведению генуэзцев Галаты, замечая с горькой иронией: «Завел он (*Мехмед II – А. Д.*) дружбу с жителями Галаты, а те радовались этому – не знают они, несчастные, басни о крестьянском мальчике, который, варя улиток, говорил: “О, глупые твари! Съем вас всех по очереди”».

Генуэзцы втайне рассчитывали, что султан не сможет взять хорошо укрепленный Константинополь, тогда как Мехмед II, по словам Дуки, думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор, пока не поражу дракона, и тогда – один легкий удар по голове, и у нее потемнеет в глазах. Так и случилось».

Итак, смазав помост и катки бычьим жиром, турки под звуки труб и грохот барабанов при попутном ветре за несколько часов перетаскили свои корабли с распущенными парусами из залива Св. Устье в Золотой Рог. Каков же был ужас ромеев, когда на следующее утро они обнаружили 80 кораблей противника у стен своей столицы. Ведь именно отсюда, с северной, прикрытой водами бухты, и поэтому слабо защищенной стороны, никто не ждал нападения. Защитникам города пришлось еще больше

растянуть свою оборону. К тому же под угрозой оказался и византийский флот, до этого скрывавшийся за железной цепью в заливе Золотого Рога. Попытки сжечь вражеские суда успеха не имели: отважившихся на это смельчаков под командованием Джакомо Коко, выступивших на двух транспортных судах под прикрытием двух галер, турки схватили и казнили. В ответ на это византийский император казнил 260 пленных турок и выставил их отрубленные головы на стенах города. Стоит отметить, что план Тревизано потерпел неудачу вследствие предательства жителей Галаты, которые донесли о нем туркам.

По приказу Мехмеда в гавани был построен плавучий помост из соединенных судов, и на нем разместили турецкие пушки, которые начали систематично разрушать оборонительные стены Константинополя, обрушивая их целыми участками. Поначалу, правда, стрельба здесь шла еще хуже, чем с суши – орудия из-за отдачи срывались с наплавных помостов и падали в залив, ядра летели мимо цели. Однако в начале мая после ряда советов венгерских послов турки существенно улучшили качество артиллерийского огня. Венгры якобы посоветовали не стрелять все время в одно и то же место, а бить по стенам как бы рисуя на них треугольник, направленный острием вниз, а затем выстрелом самого большого орудия в его центр обрушивать целый участок укреплений.

После семи недель бомбардировки стены зияли многочисленными брешами. Резко выросли потери и в самом городе. Как писал позже современник тех печальных событий, знатный ромей с о. Имвроса, Михаил Критовул, «...исход сражения решили пушки». Этот же автор описывает изобретение турецким султаном дальнобойной мортиры, которую тот создал, поставив обычную пушку под очень большим углом так, чтобы она выстреливала ядра по навесной траектории. Мехмед приказал произвести соответствующие математические вычисления и уже 5 мая были проведены успешные испытания нового оружия – туркам удалось потопить стоявшее в районе Галаты купеческое генуэзское судно.

Полная блокада и болезни, предательство генуэзцев Галаты, которые начали переговоры с султаном за спиной ромеев, сильно ухудшили и без того тяжелое положение защитников города, ослабили их боевой дух. Часть приближенных советовали василевсу капитулировать, пойти на соглашение с султаном, однако Константин XII отбрасывал такие советы, считая их проявлением не благоразумия, но трусости, и лично отправлялся на стены, проверяя укрепления и поднимая боевой дух защитников.

7 мая был отбит сильнейший штурм в районе Месотихиона, 12 мая – в районе Влахерн. Нестор Искандер писал: «Падаху трупия обеих стран, яко снопы, с заборол и кровь их течааше, яко реки по стенам; от вопля же

и кричания люцкого обоих и от плача и рыдания грацкого, и от звуку клакколного и от стуку оружия и блистания мняшеса всему граду от основания превратитися; и наполнишася рвы трупия человека до верху, яко через них ходитя турком, акы по степеням, и битись: мрътвыя бо им бяху мост и лесница к граду... и аще бы не Господь прекратил день той (*город бы погиб – А. Д.*), понеже гражане вси уже бяху изнемогше».

Осаждавшие пытались также вести подкопы для того, чтобы заложить пороховые заряды и взорвать башни и стены Константинополя из-под земли. Большинство минеров были сербами, их работами руководил Заганоспаша. Первые тоннели были заложены в долине реки Ликоса, но вскоре, из-за неподходящей почвы, их пришлось забросить. Следующий подкоп повели под влахернскую башню, однако византийцы под командованием Иоанна Гранта прокопали встречный ход, и, ворвавшись 16 мая во вражеский тоннель, обратили минеров в бегство. Подземная война велась с завидным упорством, и ромеи ее явно выигрывали, выкуривая врагов дымом, затопливая водой столичных цистерн или истребляя и прогоняя в молниеносных стычках в тесных и темных ходах.

23 мая подземному спецназу Константинополя, чутко прослушивавшему и просматривавшему вероятные направления подкопов противника, удалось захватить в плен турецкого командира и его подчиненных. Пленные выдали расположение и направление всех остальных известных им тоннелей и к 25 мая все они были уничтожены. Потерпев поражение в подземной войне, турки прекратили рыть в этом направлении, убедившись, что старый византийский крот роет лучше и все еще годится в рудокопы.

Еще до убедительной победы византийцев в подземной войне, 18 мая султан приказал опробовать для штурма новые технические приспособления, в частности громадную осадную башню гелеополу, которую византийцам удалось в итоге подорвать и сжечь. Георгий Сфрандзи писал: «Эмир же (*султан Мехмед II – А. Д.*), пораженный и обманувшийся в своих надеждах, стал употреблять для осады другие, новые выдумки и машины. Из толстых бревен соорудил он громаднейшую осадную машину, имеющую многочисленные колеса, весьма широкую и высокую. Изнутри и снаружи покрыл ее тройными воловьими и коровьими шкурами. Сверху она имела башню и прикрытия, а также поднимаемые вверх и опускаемые вниз сходни... Придвинуты были к стенам и всякие другие машины, о которых не мог помыслить ум человеческий и которых никогда не строили для взятия крепостей... И в других местах построили турки платформы с великим множеством колес, а поверх этих платформ – подобие башен... И они имели весьма много пушек; и зарядили, чтобы они все одновремен-

но сделали выстрел по стенам. Сначала, впрочем, турки выстрелили из одного страшного осадного орудия и снесли до основания башню, что близ ворот Св. Романа, и тотчас же подтащили эту осадную машину и поставили ее поверх рва. И был бой губительный и ужасный; начался он прежде, чем взошло солнце, и продолжался весь день. И одна часть турок яростно сражалась в этой схватке и свалке, а другая бросала в ров бревна, разные материалы и землю... навалив все это, турки проложили себе широкую дорогу через ров к стене. Однако наши мужественно преграждали им путь, часто отбрасывали турок с лестниц, а некоторые деревянные лестницы изрубили; благодаря своему мужеству мы неоднократно отгоняли неприятелей в тот день, до первого часа ночи».

Так защитниками Константинополя был отбит очередной отчаянный штурм турецкого войска. Почти двухмесячная осада затянулась, уверенности в скором взятии города у турок не было, и Мехмед II предложил Константину XII пойти на заключение мира, согласившись на выплату ежегодной дани в 100 тысяч золотых монет, либо же покинуть город со всеми жителями под гарантии личной безопасности. На императорском военном совете оба предложения были отвергнуты, поскольку найти средства для таких колоссальных выплат византийцы были не в состоянии, а сдать город без боя казалось им абсолютно невозможным. Согласно позднему историческому преданию, Константин заявил: «Бог не попустит мне жить императором без империи. Если город падет, я паду с ним. Кто захочет искать спасения, пусть ищет его, как сможет, а кто готов встретить смерть, пусть следует за мной».

Узнав о решении василевса, султан также собрал в своей ставке военный совет и, несмотря на возражения некоторых придворных, в частности великого везира Халиль-паши, который советовал снять осаду, решил пойти на штурм. Об этом сразу же узнали защитники города, которым христиане, находившиеся в составе турецкого войска, пустили на стены стрелы с привязанными к ним записками. 28 мая Константин XII провел последний военный совет, умоляя командиров держаться, помнить о святых, беззащитных женщинах и детях, просил своих латников о прощении. Завершая речь василевс, как передает Георгий Сфрандзи, произнес такие слова: «Убеждаю и прошу вашу любовь, чтобы вы оказывали соответствующий почет и подчинение вашим вождям, каждый согласно своему чину, отряду и службе. Знайте же следующее: если вы искренне будете соблюдать все то, что я вам приказал, то с помощью Божьей я надеюсь, что мы избавимся от ниспосланной Богом справедливой кары».

Вечером того же дня в храме Св. Софии примирившиеся в страшный час священники, все вместе – и православные, и католики, провели тор-

жественный молебен, а император и другие воины причастились и надели лучшие одежды. В этот момент забыты были конфессиональные распри и догматические противоречия, этнические и государственные обиды – пришедших объединила общая и единая для всех смертельная опасность. Многие плакали, прощались с близкими и, готовясь к смерти, занимали места на крепостных укреплениях.

В турецком лагере 28 мая Мехмед II осуществил объезд войск, которым было приказано весь день отдыхать. Вечером объявили о том, что с рассветом следующего дня начнется штурм. Султан, по словам историка Михаила Кривоула, обратился к войскам с речью, в которой помимо прочего заявлял, что «для успешной войны есть три условия: желать (победы), стыдиться (позора поражения) и повиноваться вождям». Весь турецкий лагерь напоминал ночью растревоженный муравейник, освещенный огнями бесчисленного множества костров и горевших на кораблях огней. Причудливые зловещие тени отплясывали на истоптанной сорной траве пустырей предградья и полуразрушенных стенах обреченного города, зловещим гономом и дикими воплями полнились окрестности. Воины ислама – «османы, турки, влахи» – готовились к решающей битве, подвозя к стенам сухопутные осадные машины и подводя по Золотому Рогу корабли. Главный удар было решено нанести на участке между воротами Св. Романа и Харисийскими, где находился наиболее разрушенный предыдущими обстрелами участок стен. Кроме того, и ров здесь был наименее глубоким.

29 мая 1453 г., еще ночью, перед рассветом, лавина турецких войск пошла на очередной отчаянный приступ. Для многих христиан и мусульман, воинов креста и воинов полумесяца он стал последним. Сперва перевес был на стороне ромеев, но их силы быстро шли на убыль. Взамен башибузуков – иррегулярной легкой пехоты, состоявшей из всякого сброда, Мехмед бросил в бой свои лучшие части – сначала панцирные отряды анатолийских турок, а затем янычар, и лично довел их колонну до рва, заваленного грудями трупов. Георгий Сфрандзи писал о первых часах штурма: «Великое множество агарян было перебито из города камнеметными машинами, и на сухопутном участке наши приняли врага также смело. Можно было видеть страшное зрелище – темное облако скрывало солнце и небо. Это наши сжигали неприятелей, бросая на них со стен греческий огонь».

В разгар сражения то ли стрелой, то ли свинцовой пулей оказался тяжело ранен Джустиниани, которому василевс доверил общее руководство обороной. Его переправили на лодке в Галату, где он вскоре умер. В сам момент ранения никто, кроме, возможно, самого Лонго, не понял, что он смертельно ранен. Согласно источникам, находившийся рядом ва-

силевс обратился к кондотьеру, покидавшему передовую: «Брат мой, бейся храбро. Не бросай нас в нашей трудноте! От тебя зависит, жить или умереть граду сему. Возвращайся на пост. Куда же ты уходишь?» На последний вопрос Джустиниани якобы ответил: «Туда, куда сам Бог ведет сих турок».

На какой-то момент управление боем было потеряно, италийцы, оставшись без своего предводителя, растерялись, стали покидать свои места. Паника усилилась, когда прошел слух, что Джустиниани сбежал. Это пошатнуло боевой дух защитников города, но и для турок в то же время наступил момент, когда они засомневались в успешности штурма. Видимо, именно в этот миг султан бросил в прорыв своих лучших воинов. Турки также несли колоссальные потери и их боевой дух падал. Они были уже готовы повернуть назад, но, как пишет Сфрандзи, «чауши и дворцовые равдухи (солаты подразделений, функции которых были схожи с функциями военной полиции, в данной ситуации выполнявшей роль заградотряда – А. Д.) стали бить их железными палками и плетями, чтобы те не показывали спины врагу». Дука сообщает, что даже сам султан Мехмед II Фатих, «стоя позади войска с железной палкой, гнал своих воинов к стенам, где льстя словами, где – угрожая».

В итоге один из турецких солдат по имени Хасан, отличавшийся невероятным ростом, ворвался во главе небольшого отряда из трех десятков воинов на стены полуразрушенного города и над башней Св. Романа на северо-западной окраине столицы взвился зеленый мусульманский стяг. И хотя половина группы прорыва была тут же уничтожена ударом огромного камня, остальные смогли удержать плацдарм и дали возможность ввести сюда дополнительные силы. Словно бурная река в половодье, озверелые османы, преодолев наконец стены, с криками «Город наш!» ворвались в Константинополь, сметая все преграды на своем пути.

Битва, впрочем, не окончилась со взятием стен, и продолжилась на площадях, улицах и в домах столицы. Особенно жестокими были бои в городских кварталах, прилегавших к гавани: «Народи-ж, – писал Нестор Искандер, – по улицам и по дворам не покоряхуся турком, но бяхуся с ними..., а иньи людьи и жены и дети метаху на них сверху полат керамиды (*черепицу* – А. Д.) и плиты и паки зажигаху кровли палатные деревянные и метаху на них со огни, и пакость им деяху велію».

Император Константин XII предпочел позору плена мужественную смерть в бою с варварами. С горсткой храбрецов, в числе которых был его родич, Феофил Палеолог, он бросился в гущу битвы у ворот башни Св. Романа. Согласно легенде, василевс воскликнул перед смертью: «Есть ли здесь христианин, чтобы снять мою голову?», после чего, не будучи опо-

знан турками, был зарублен ударами в спину и лицо. Больше живым его не видел никто. Василевс погиб как простой солдат с мечом в руках, разделив участь своих сограждан и не опозорив имя последнего царя ромеев трусостью. После боя изрубленное тело Константина XII обнаружили среди груды мертвых и опознали лишь по пурпурным поножам и сандалиям с золотыми орлами. Отрезанная голова последнего василевса ромеев была выставлена на ипподроме, а тело по приказу султана похоронили с императорскими почестями на одной из городских площадей.

Три дня и три ночи длился ужасный погром древней христианской столицы – Мехмед II отдал ее на полное разграбление своим воинам, заявив, по словам историка Дуки, что «не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города». Обращаясь к воинам султан заявил: «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей». Остатки ромейского войска были перебиты, многие жители Константинополя пали под ударами турецких кривых ятаганов, тысячи и тысячи греков были проданы в неволю. Согласно легенде, в знак своей победы над христианами Мехмед II Фатих («Завоеватель») на белом арабском скакуне въехал в храм Св. Софии. Пораженный его красотой и величием, он повелел превратить огромное здание в мечеть, которая до сих пор украшает древний город, но уже в качестве музея. По ее углам высятся видные издали четыре минарета, которые будто стражи охраняют великую пленницу.

Лишь малой части населения удалось покинуть город, вырвавшись на 20 судах из устья Золотого Рога. Участь остальных была незавидна. Георгий Сфрандзи писал: «И тех, кто умолял о пощаде, турки подвергали ограблению и брали в плен, а тех, кто сопротивлялся и противостоял им, убивали; в некоторых местах вследствие множества трупов вовсе не было видно земли. И можно было видеть необыкновенное зрелище: стенания, и плач, и обращение в рабство бесчисленных благородных и знатных женщин, девушек и посвященных богу монахинь, несмотря на их вопли влекомых турками из церквей за косы и кудри, крик и плач детей и ограбленные священные и святые храмы... В жилищах плач и сетования, на перекрестках вопли, в храмах слезы, везде стоны мужчин и стенания женщин: турки хватают, тащат в рабство, разлучают и насильничают... Ни одно место не осталось необысканным и неограбленным...».

Не менее красочны и драматичны описания, приведенные в «Византийской истории» Дуки: «Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли наконец к храму... и увидев, что ворота заперты, не мешкая разломали их топорами. Когда же они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника... Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах мате-

рей, о рыданиях отцов – кто расскажет?.. Тогда рабыню вязали с госпожой, господина с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами... Насильничали грабители, эти мстители божи, и всех можно было видеть в один час связанными: мужчин – веревками, а женщин – их платками... В одну минуту разрубили святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы... Драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, золотые и серебряные и из другого ценного вещества приготовленные, в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив».

Разграбление города было невероятным, причем то, что не представляло в глазах турок ценности, безжалостно истреблялось. Деревянные иконы рубились на куски и сжигались в кострах, на которых завоеватели варили себе похлебку. Многочисленные книги жгли, разрывали и втапывали в грязь. За один золотой можно было купить десятки книг, абсолютно бесполезных в глазах завоевателей. Как свидетельствует Михаил Дука, колоссальное число книг, нагруженное на телеги, вывезли из города и они оказались в итоге рассеяны по восточным и западным областям.

Захват мусульманами «града Константина» знаменовал собой финал долгой агонии – полное крушение Византийской империи. Отныне гордый и величественный Второй Рим стал столицей Османского государства, получив новое название – Стамбул (по-турецки – Истанбул). Название Истанбул или Стамбул произошло от искаженного греческого «ис тин полин» – «к городу, в город». Так ромеи отвечали на вопросы турок о дороге к столице Империи.

Вскоре судьбу поверженной ромейской столицы в 1456 г. разделили Афины. Знаменитый Парфенон, храм Богородицы в византийское время, стал, как и Св. София, мечетью. В 1460 г. пало то, что оставалось от Мореи, где окончательно рассорились братья погибшего императора, а год спустя после коротких переговоров османского визиря с главой местных туркофилов, Георгием Амирутци, был сдан без боя Трапезунд. Все семейство Великих Комнинов было вывезено в Константинополь и в 1463 г. их глава, Давид, казнен. В 1475 г. после шестимесячной осады, по ожесточенности и массивному использованию артиллерии равной константинопольской, оказалось уничтожено последнее греческое государство в Юго-Западном Крыму – деспотат Феодоро с одноименным главным городом-крепостью на горном Мангупе, а его знать почти вся вырезана. На следующий год настал черед Эпира в Греции, одного из последних обломков трагического крушения.

Уже до этого в Азии османы завоевали Месопотамию, Армению и западную часть Грузии. Они захватили Сирию, Палестину и Аравию с древ-

ним городом Меккой. Султан был провозглашен халифом – духовным главой всех мусульман. В результате завоеваний турок образовалась обширная Османская империя, которая раскинулась от Евфрата до Адриатического моря, включив в себя земли поверженной древней Византии.

Великая трагедия, разыгравшаяся на берегах Босфора, произвела не меньшее впечатление, чем в свое время падение древнего Рима. Все ощутили, что значила для них Византия, о границы которой, как о щит, разбилось немало армий жестоких завоевателей. Николай Спасский в замечательном историко-шпионском романе «Византиец», который критики справедливо назвали русским «Баудолино» и в котором повествуется о событиях, происходивших вскоре после гибели Империи ромеев, так пишет о восприятии гибели Константинополя современниками: «Этой вести ждали, и тем не менее с трудом поверили в бесповоротность случившегося. Византия существовала более тысячи лет... Представить, что ее больше не будет, – не укладывалось в сознании. Будто умер после тяжелой, продолжительной болезни близкий человек. Еще вчера он был жив, передвигался вдоль стенки, что-то делал, с наугой говорил, пытался шутить – и оставалась надежда на выздоровление. Сегодня ее не стало».

Мануил Критовул писал о падении Константинополя: «Так окончилась история великого города Константина, в свое время достигшего великой славы, могущества и богатства и совершенно затмившего все существовавшие до него города, вызывавшие восхищение своей славой, богатством, силой, величием и многими другими достоинствами». В свою очередь Дука, подражая знаменитому плачу Никиты Хониата о падении Константинополя в 1204 г., так оплакивал события 1453 г.: «О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гибель варваров! О город, город, второй рай, на западе насажденный, заключающий в себе всевозможные растения, сгибающиеся от тяжести плодов духовных! Где красота твоя, рай? Где благодетельная сила духа и плоти твоих духовных харит? Где тела апостолов Господа моего?.. Где останки святых, где останки мучеников? Где прах великого Константина и других императоров?»

Как глубокую утрату восприняли падение Константинополя и католики. Польский историк Ян Длугош, также бывший современником гибели Византийской империи, писал: «Это поражение Константинополя, одновременно и жалкое, и печальное, было огромной победой турок и крайним поражением греков, и бесчестием латинян. Благодаря этому католическая вера была задета, религия введена в смущение, имя Христа унижено и оскорблено. Один из двух глаз христианства был вырван. Одна из рук отрублена, ибо библиотеки были сожжены до тла, а доктрины греческой

литературы уничтожены. Без них ни один человек не может считать себя образованным человеком».

Что стало причиной гибели Византии? Ослабленная недалёковидными мерами императоров экономика, происки коварных врагов и лукавых союзников, идеологическая и конфессиональная заскорузлость взглядов, не позволившая утвердить прочный союз с католическим Западом, чрезмерно централизованное авторитарное государство, не опиравшееся на развитое гражданское общество? Причин гибели Византийской империи немало, но, видимо, важнейшую из них называет бывший член царского совета критский монах Иосиф Вриенний: «Поскольку ныне добродетель изгоняется и превозносится стремление к пороку, в угоду этому дружба разрывается, взамен же вползает изобилие клеветы. Поскольку каждый брат топчет ноги своего брата, и каждый друг следует дорогой коварства. Поскольку нет ни сострадания, ни сочувствия, растёт ненависть и властвует цинизм. Поскольку архонты наши несправедливы, искусные в делах алчны, судьи продажны, посредники лживы, горожане – насмешники, поселяне неразумны, все вместе взятые мерзки».

Известный харьковский византинист Сергей Сорочан подытожил совокупность причин, приведших к гибели Византии, такими словами: «Тяжелое экономическое положение, политический, идеологический кризис, падение воинского и гражданского духа находили объяснение у современников в испорченности нравов. Служить означало не больше, чем прислуживаться. Гражданский подвиг не стал обязанностью. ... Общественный долг, патриотизм действительно превращались в пустой звук, вера уходила из сердец, а понятие самопожертвования на благо родины вызывало смех. И когда всем стало все равно, что будет со страной, она окончательно пала в крови и прахе».

Действительно, из многомиллионного населения бывшей Византийской империи, большинство территорий которой было уже покорено воинами ислама, на защиту столицы встала лишь горстка храбрецов, остальные остались безучастны или даже вынужденно воевали на стороне врага. Впрочем, они по большей части канули в безвестие Леты, в исторической же памяти осталась немногочисленная когорта мужественных защитников Константинополя. Отважно сопротивлявшиеся завоевателям и достойно погибшие, защищая родной город и страну византийцы стали важным культурным символом. Именно к нему обращаются в лихие года защитники Отечества, понимающие, что честь всегда дороже жизни, а гибель за Родину и други свои не бывает напрасной, вдохновляя идущих вослед удержать падающее знамя и сохранить гибнущий мир. Ромеи, казавшиеся хитрыми, подлыми и коварными, явили миру пример высочай-

шого мужества и самоотречения, глубочайшей веры и беззаветного самопожертвования.

В 2013 г. – не так давно, но уже практически в прошлой жизни, окончившейся целую вечность тому назад, в московском театре «Театр.doc» выступившая в качестве режиссера драматург и сценарист Елена Гремина поставила собственную пьесу под названием «150 причин не защищать Родину», повествующую о событиях одного дня в истории – 29 мая 1453 г. В ней рассказывается о падении главного города тогдашнего мира – Константинополя и говорится «про 150 причин не защищать родину, 150 причин не объединиться в минуту опасности, 150 причин работать на врага. Про тысячи очень верных и продуманных мотивов искать и найти компромисс с врагом и с совестью, чтобы выжить. И поиск одной-единственной причины выйти на смерть защищать то, что другие уже продали, предали или бездарно проиграли. Все, кто мог держать меч, погибнет в этот день».

ЛИТЕРАТУРА

- Армянские хронисты о падении Константинополя / Тексты подготовил к изданию А. С. Анасян. Перевод с древнеармянского С. С. Аревшатяна // ВВ. – 1953. – Т. 7 (32). – С. 444–466.
- Браунворт Л.* Забытая Византия, которая спасла Запад. – М., 2012.
- Васильев А. А.* История Византийской империи: в 2 т. – СПб., 1998. – Т. 1–2.
- Васильев А. А.* История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). – Л., 1925.
- Византийские историки о падении Константинополя в 1453 году / Под ред. Я. Н. Любарского, Т. И. Соболев. – СПб., 2006.
- Византийские историки Дука и Франдзи о падении Константинополя / Пер. и предисл. А. С. Степанова // ВВ. – 1953. – Т. 7 (32). – С. 385–430.
- Войтович Л. В., Домановський А. М., Козак Н. Б., Лильо І. М., Мельник М. М., Сорочан С. Б., Файда О. В.* Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. – Львів, 2011.
- Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с фр. – Екатеринбург, 2005.
- Дашков С. Б.* Императоры Византии. – М., 1997.
- Домановский А. Н.* Загадки истории. Византия. – Харьков, 2016. (Загадки истории).
- Домановский А. Н.* Миф Византии: Византийская цивилизация в истории, историографии и общественных репрезентациях // «Византийская мозаика»: Сборник публичных лекций Эллино-византийского лектория при Свято-Пантелеимоновском храме / Ред. проф. С. Б. Сорочан; сост. А. Н. Домановский. – Харьков, 2013. – С. 18–64.
- Иванов С. А.* В поисках Константинополя. Путеводитель по византийскому Стамбулу и окрестностям. – М., 2011.
- История Византии: в 3 т. / Отв. ред. акад. С. Д. Сказкин. – М., 1967. – Т. 1–3.

- Каплан М. Византия. – М., 2011. (Гиды цивилизаций).
- Каплан М. Золото Византии / Пер. с фр. Ю. Розенберг. – М., 2002.
- Кроули Роджер. Константинополь: Последняя осада. 1453 / Пер. с англ. А. В. Короленкова, И. А. Семенов. – М., 2008.
- Курбатов Г. Л. История Византии. Историография: Учебное пособие. – Л., 1975.
- Лаоник Халкокондил. История (из книги VIII) / Пер. и предисл. Е. Б. Веселаго // ВВ. – 1953. – Т. 7 (32). – С. 431–444.
- Левченко М. В. Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события // ВВ. – 1953. – Т. 7 (32). – С. 3–8.
- Лемерль П. История Византии / Пер. Т. Пошерстник (с. 3–104); Кицикис Д. Османская империя / Пер. Б. Павлов (с. 105–220). – М., 2006.
- Миятович Ч. Константин, последний византийский император, или Завоевание Константинополя турками (1453 г.) / Перевод с сербохорватского. – СПб., 1895.
- Николь Д., Хэлдон Дж., Тернбулл С. Падение Константинополя: Последние дни Византии. Полумесяц над Босфором / Пер. с англ. А. Колина. – М., 2008.
- Норвич Д. История Византии / Пер. с англ. – М., 2010.
- Оксфордское руководство по византистике / Ред. Э. Джеффрис, Дж. Хэлдон, Р. Кормак; пер. с англ. В. В. Швец; гл. ред. С. Б. Сорочан; ред. А. Н. Домановский, П. Е. Михалицын, А. Г. Чекаль. – Вып. 1. – Харьков, 2014. (Нартекс. Byzantina Ukrainensia. Т. 3).
- Орешикова С. Ф. Византия и Османская империя: проблемы преемственности // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. – СПб., 2001. – С. 474–494.
- Острогорський Г. Історія Візантії. – Вид. 3-є, доп. / Перекл. с нім. А. Онишко. – Львів, 2002.
- Пашкин Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV в. (1402–1438). – Екатеринбург, 2007.
- Петросян Ю. А. Древний город на берегах Босфора. Исторические очерки. – 2-е изд., доп. – М., 1991.
- Петросян Ю. А. Русские на берегах Босфора. – СПб., 1998.
- Райс Дэвид Т. Византийцы. Наследники Рима. / Пер. с англ. Е. Ф. Левиной. – М., 2003.
- Райс Тамара Т. Византия. Быт. Религия. Культура / Пер. с англ. О. О. Дмитриевой. – М., 2006.
- Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 г. / Пер. с англ. – М., 1983.
- Смирнов Н. А. Историческое значение русской «Повести» Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. // ВВ. – 1953. – Т. 7 (32). – С. 50–71.
- Сюзюмов М. Я. Историческая роль Византии и ее место во всемирной истории (в порядке дискуссии) // ВВ. – 1968. – Т. 29. – С. 32–44.
- Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М., 2001. – Т. 1–5.
- Хэлдон Джон. История византийских войн / Пер. с англ. М. А. Карпунина, С. С. Луговского. – М., 2007.
- Ченцова В. Г. Константинополь глазами западноевропейцев // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – М., 2000. – Т. 4: Extra muros: город, общество, государство. – С. 299–305.

- Шейнэ Ж.-К.* История Византии / Пер. с фр. В. Б. Зусевой. – М., 2006.
- Шуканов В. Н.* Византия. Последние рубежи: Турецко-византийские войны XI–XV вв. – СПб., 2011.
- Angold M.* Byzantium. The Bridge from Antiquity to the Middle Ages. – New York, 2001.
- Flusin B.* La civilization Byzantine. – Paris, 2005.
- Haldon J. F.* Byzantium. A History. – Stroud, 2000.
- Harris J.* The End of Byzantium. – Yale, 2010.
- Haussig H. W.* A History of Byzantine Civilization. – London, 1971.
- Herrin Judith.* Byzantium: The Surprising Life of a Medieval Empire. – Princeton, 2008.
- Melville Jones J. R.* The Siege of Constantinople 1453: Seven Contemporary Accounts. – Amsterdam, 1972.
- Philippides M., Walter K. H.* The Siege and the Fall of Constantinople in 1453. Historiography, Topography, and Military Studies. – Farnham, 2011.
- Runciman S.* Byzantine Civilization. – New York, 1956.
- The Cambridge History of the Byzantine Empire, c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. – Cambridge, 2008.
- The Oxford Handbook of Byzantine Studies / Ed. by E. Jeffreys with J. Haldon and R. Cormack. – Oxford; New York, 2008.
- Treadgold W. T.* A History of the Byzantine State and Society. – Stanford, 1997.